

В Л А Д И М И Р
Б Е Р Е З К О

РОМАН

ОРУЖИЕ,
ВИНО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Владимир Березко

Оружие, вино и приключения

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Березко В. Э.

Оружие, вино и приключения / В. Э. Березко — «У Никитских
ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-154-5

Причудливые изгибы судьбы... И главный из них – торговля оружием. Герой этой книги – прирожденный бизнесмен, на долю которого выпало немало увлекательных приключений. Но практически всегда ему удавалось выходить победителем...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00170-154-5

© Березко В. Э., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Глава 1. Неудачный день	6
Глава 2. Чистая страница жизни	19
Глава 3. Секреты успешного бизнеса	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Березко

Оружие, вино и приключения

© Березко В.Э., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

Глава 1. Неудачный день

– А теперь предлагаю вынести вопрос о персональном деле комсомольца Квитко на голосование. – Голос секретаря комитета комсомола Виктора Ветрова звучал непривычно строго. В нем проскальзывали нотки раздражения, обиды и желания отомстить. – Кто за то, чтобы собрание проголосовало и приняло решение по указанному вопросу? – Он требовательно и выжидающе смотрел прямо в зал.

Под этим пристальным взглядом одна за другой стали подниматься руки присутствовавших на комсомольском собрании комитета комсомола Московского медицинского стоматологического института. И только один парень сидел неподвижно и с ухмылкой рассматривал лица тех, кто заседал в президиуме собрания. Ветров взглянул на него более жестко, нежели на остальных.

– В чем дело, комсомолец Воронцов? Ты за? Или против? Против, как я понимаю, коллектива?! – язвительно добавил он.

Парень неторопливо поднялся со стула. Он был невысокого роста, широк в плечах. Жестковатые прямые волосы не были уложены в идеальный пробор, как у секретаря комитета комсомола, и совсем не ценили тех усилий, которые их хозяин постоянно прикладывал, чтобы удержать собственную прическу в строгих рамках существовавшей государственно-правовой идеологии. И теперь они торчали просто вызывающе, что не прошло мимо внимания одного из членов президиума.

– Антон, ты что, дома не ночевал? – с усмешкой спросил он. – Даже к зеркалу не успел подойти, как отправился в институт, а потом и на комсомольское собрание?

Воронцов бросил на него резкий взгляд:

– Где хочу, там и ночую. Это мое личное дело. Никто же не спрашивает, где ночевал ты. Секретарь комитета комсомола, слегка прищурившись, посмотрел на Воронцова:

– Антон, у тебя есть что-нибудь по существу?

– А я и говорю по существу, но вы не даете.

– Даем, даем! – улыбнулась девушка из президиума собрания. В зале послышался легкий смех.

– Ну то, что ты даешь, Лебедкина, мне совсем не нужно и...

– Комсомолец Воронцов, – теряя терпение, перебил его секретарь комитета, – так что по существу?

– Я хочу сказать, – начал Антон, едва сдерживая раздражение, – что я бы не прочь применить навыки моей будущей специальности – челюстно-лицевой хирургии – на практике.

– Что ты имеешь в виду? – этот вопрос из президиума собрания прозвучал с некоторой угрозой.

– А то и имею! Я бы некоторым подправил пару лицевых костей без дальнейшей возможности реабилитации речевых органов.

Зал взорвался различными возгласами. Кто-то был возмущен, кто-то одобрительно улыбался и кивал. Члены президиума в негодовании вскочили со своих мест: «Да как он смеет!», «Выгнать из института и из комсомола за такие слова».

– Тише, товарищи! – Секретарь комитета пытался вернуть порядок. – Дадим высказаться комсомольцу! Прошу! – И он жестом велел Антону продолжать, а у самого перед глазами промелькнуло очередное персональное дело.

Тот обвел взглядом зал и уверенно заговорил:

– На этом собрании прозвучало много несправедливых слов в адрес комсомольца Квитко.

– Неужели? – с издевкой отозвался Ветров. – И что конкретно тебе кажется несправедливым?

– Товарищи комсомольцы! Давайте вспомним, как нас в свое время призывали работать именно так, как работает комсомолец Квитко! Или это не так?

С этими словами Антон развернул над головой номер газеты «Стоматолог».

– У меня в руках наша институтская газета, которую выпустили по итогам работы строительного отряда, комиссаром которого и был комсомолец Квитко. И посмотрите внимательно, товарищи комсомольцы, что написано в передовой статье газеты.

Из зала, в котором сидели комсомольцы, раздался возглас:

– И что же там написано?!

– А написаны вполне простые и весьма справедливые слова. Цитирую: «Если бы все комсомольцы Московского медицинского стоматологического института работали так, как это делает член ВЛКСМ Марк Квитко, то показатели и в труде, и в учебе существенно пошли бы вверх. Пока же этого не происходит».

Антон сделал паузу и восторженно продолжил:

– Автор статьи даже термин новый придумал – «квитковское движение». На мой взгляд, вполне удачное. Очень похожее на стахановское движение.

Секретарь комитета ВЛКСМ хитро и одновременно недобро посмотрел на Воронцова:

– И что ты этим хочешь сказать?

Антон ответил ему таким же недобрым и колючим взглядом:

– Я хочу сказать, что исключать комсомольца Квитко из рядов ВЛКСМ просто несправедливо!

– Это эмоции! – заметила из президиума Лебедкина.

– Нет, не эмоции! – Антон снова начал горячиться. – Не эмоции. Марк столько сделал для института, для комсомольской организации! В конечном счете – для всех нас! А его сейчас пытаются исключить из членов ВЛКСМ якобы за то, что он, как вы говорите, «сжился с личными интересами». Где же здесь справедливость?

Ветров неожиданно улыбнулся:

– Да, Антон, мы помним о заслугах члена ВЛКСМ Квитко перед комсомольской организацией. Они действительно были. Но сегодняшнее собрание посвящено рассмотрению персонального дела Марка Квитко. И главный вывод, который сделал комитет комсомола при рассмотрении всех обстоятельств персонального дела, заключается в том, что член ВЛКСМ Марк Квитко поставил свои интересы куда выше общественных. В то время, когда все студенты нашего института копали картошку в окрестностях подмосковного Дмитрова, знаете где находился студент Квитко?

– Где? – слышался вопрос из зала.

– Марк Квитко, выполнявший в то время роль комсомольского вожака, поскольку замещал мою должность, находился в Грузии. Когда комсомольцы выполняли ответственное задание партии – помогали сельским труженикам выиграть битву за урожай, – комсомолец Квитко, который должен был находиться в самой гуще этой мирной битвы, уехал отдыхать. И тем самым, по сути, скомпрометировал образ комсомольского лидера. Это и есть самый красноречивый пример того, что Марк Квитко, по сути, поставил личные интересы выше общественных.

Ветров сделал паузу и продолжил свое выступление:

– Теперь что касается эмоциональной речи комсомольца Воронцова. Конечно, Антон защищает своего друга Марка в том числе и потому, что они не раз вместе посещали значимые места – рестораны, пивные бары... Особенно – ресторан «Цветочный» в парке «Сокольники». Это, товарищи комсомольцы, не просто слова. Дело в том, что комсомольцев Воронцова и Квитко там задержал патруль дружинников и доставил в штаб добровольной народной дружины. Заметьте, в состоянии алкогольного опьянения.

– При чем тут это?! – возмутился Антон.

– А при том, что ресторан «Цветочный» пользуется в определенных кругах – я бы сказал, кругах, которые связаны с преступным миром, – весьма специфической славой. И возникает вопрос, который в данном случае весьма закономерен. Что, скажите, пожалуйста, делали в таком заведении заместитель секретаря комсомольской организации, то есть мой заместитель, и член ВЛКСМ Воронцов?

– А они одни там были? Или с девочками? – послышался ехидный вопрос из зала.

– А разве это имеет значение? – Лебедкина легко и снисходительно улыбнулась.

– Это вовсе не имеет никакого значения, – жестко ответил секретарь комсомольской организации. – У нас есть факт, которому наша организация должна дать самую принципиальную оценку. И это, подчеркиваю, наш комсомольский долг.

– И какие на этот раз будут предложения? – раздался голос из зала.

– А предложение прежнее, – спокойно и холодно ответил Ветров. – Комитет комсомола нашего института считает, что за допущенные промахи в работе и поступки, порочащие высокое звание члена комсомола, Марка Константиновича Квитко следует исключить из рядов ВЛКСМ.

Антон вскочил со своего места. Жесткие, непослушные волосы на этот раз жили совершенно отдельной жизнью на его голове. Он запальчиво, со звенящим в голосе возмущением выкрикнул:

– Если на то пошло, то и меня тогда исключайте.

Виктор Ветров посмотрел на Антона взглядом, в котором читались самые разные чувства. Он злился на него за то, что тот так яростно защищал друга и, по сути, не давал собранию принять то решение, которого от него ждал секретарь комитета комсомола. Но сейчас в этом взгляде появилась снисходительность.

– А ты хорошо подумал, Антон? Может быть, ты с родителями посоветовался? Насколько я помню, твой отец занимает должность главного врача весьма известной и уважаемой городской больницы. И руководит кафедрой в нашем институте. Интересно, что он скажет, если его сына вдруг по его собственной просьбе исключат из комсомола? А потом, Антон, я должен заметить, человек, которого исключили из комсомола за антиобщественное поведение, а у тебя формулировка будет именно такой, вряд ли сможет претендовать на вступление в члены КПСС. Его и в комсомоле-то вряд ли восстановят. Ты понимаешь, о чем говоришь? И о чем просишь?!

Но Воронцов не желал останавливаться:

– Нет, я тогда требую, чтобы меня тоже исключили из комсомола! Пусть пострадает моя карьера, но на душе не будет грязи!

Из президиума собрания послышался голос Лебедкиной:

– Ты, Антон, так говоришь, потому что вы с Марком – собутыльники.

В зале опять послышалось хихиканье. Кто-то выкрикнул:

– А что?! Имеют право!

Виктор Ветров неожиданно согласился:

– Конечно! Имеют. Но мы сейчас говорим вовсе не о том, что они собутыльники. За столом мы все время от времени любим посидеть. И если брать, к примеру, празднование Нового года в институте, то часть из нас, безусловно, можно тоже назвать собутыльниками. Но дело, товарищи комсомольцы, совершенно не в этом!

– А в чем же тогда? – Голоса из зала настойчиво требовали более ясного ответа.

Ветров нахмурился. Он посмотрел на собравшихся комсомольцев напряженным взглядом. Но вслух только мягко произнес:

– Еще раз повторяю. Комсомолец Квитко заслуживает исключения из ВЛКСМ не потому, что они собутыльники с Воронцовым. Вовсе нет.

– Я не поэтому! Я за справедливость! – запальчиво выкрикнул Антон. Но от волнения фразы получились не совсем связными. И по-детски эмоциональными.

В зале, где сидели комсомольцы, вновь послышались смешки. Виктор улыбнулся и сказал с иронией:

– Как это ни странно, может быть, для всех присутствующих, я – тоже за справедливость! Неужели вы, товарищи комсомольцы, думаете, что комитет ВЛКСМ выступает исключительно против справедливости?! Поднимите руки, кто так думает?

Секретарь комитета комсомола, как и остальные члены президиума, требовательно посмотрел в зал, встречаясь с глазами каждого комсомольца.

– Я так думаю! – Антон Воронцов выбросил вверх обе руки.

– Тебя, Воронцов, мы уже приняли в расчет и выслушали. – Ветров недовольно поморщился. – Кто еще так думает? Поднимите руки.

Но больше в зале рук не было. Комсомольцы, оживленно гудевшие при недавнем обсуждении походов Марка и Антона, теперь молчали. Некоторые просто опустили глаза и внимательно изучали спинки стульев перед собой.

Секретарь комитета комсомола словно почувствовал произошедшую в зале перемену. В этом, кстати, Виктору Ветрову нельзя было отказать. Он обладал исключительным политическим чутьем. И, словно хищник, который уже прихватил антилопу, снова посмотрел на присутствующих. Зал послушно молчал. Над собранием висела тягучая, вязкая тишина.

– Ну, кто так думает?! Я жду!

Но кроме двух рук Антона Воронцова, больше никто не решился поднять руки. Ветров продолжил:

– Тогда ставим вопрос на голосование. Я предлагаю исключить Марка Квитко из членов ВЛКСМ за антиобщественное поведение. А комсомольцу Воронцову, раз уж он так просит, объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку за низкую принципиальность. И запомни, Антон, следующее взыскание по комсомольской линии – это исключение из членов ВЛКСМ. Мы тебе сегодня, можно сказать, даем реальный шанс на исправление.

Антон смотрел в сторону. И ничего не сказал.

Ветров снова продолжил:

– Итак. Прошу голосовать. Кто за? – И первым поднял руку. Постепенно стали поднимать руки и в зале. Лебедкина сосредоточенно подсчитывала. Но Виктор с усмешкой проговорил: – Не напрягайся, Лебедкина. И так видно, что практически единогласно.

Он снова задал вопрос залу:

– Так, кто против? Воздержался? Нет?

– Я против! – Антон Воронцов вытянул вверх руку с растопыренными пальцами. – Я против. Очень против!

Ветров посмотрел на Антона с особенным выражением лица. И почти равнодушно проговорил:

– Итак, большинством голосов комсомолец Марк Квитко исключается из членов ВЛКСМ. – И добавил: – А сейчас предлагаю объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку комсомольцу Воронцову.

Из зала послышался недовольный голос:

– А Воронцову-то за что?

Секретарь комитета комсомола словно ждал этот вопрос. И ответ у него был уже готов. Он неторопливо, со значением, произнес каждое слово:

– За то, что комсомолец Воронцов, можно сказать, просто пренебрегает высоким званием члена ВЛКСМ. Если я не ошибаюсь, и вы все это слышали, он буквально несколько минут назад заявил о том, что не хочет оставаться в рядах Ленинского комсомола. Или я как-то не так понял его последнее выступление?

Комсомольское собрание молчало, словно подавленное неопровержимой логикой. В зале было тихо, и эта тишина словно придавливала своей тяжестью сидевших на стульях комсомольцев. В глубине души, конечно, ребята Марку сочувствовали. Но понимали, что в данном случае Марк Квитко, к которому, кстати, большинство сидевших в зале, где проходило комсомольское собрание, относилось очень хорошо, пошел против системы, или система пошла против него. Или даже не сама система, а конкретный ее представитель – секретарь комитета ВЛКСМ Виктор Ветров. Последнее было даже точнее...

Секретарь неторопливо осмотрел зал. В глубине души он уже чувствовал, что такое переменчивое «общественное мнение» постепенно склоняется в сторону президиума. Нечто похожее он не так давно прочел в фундаментальных трудах Никколо Макиавелли – «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Великий флорентиец высказывался совершенно однозначно: толпа до тех пор пытается злословить на государя, пока перед ней не замаячит угроза наказания. Реального наказания.

Ветров резко и жестко сказал:

– Итак, кто за? За то, чтобы объявить комсомольцу Воронцову строгий выговор с занесением в учетную карточку. Еще раз напомню, что это взыскание комсомол объявляет ему за пренебрежительное отношение к высокому званию комсомольца. Прошу, товарищи, голосовать!

Он сам первым поднял руку. И так же, как в первый раз, сидевшие в зале комсомольцы постепенно последовали его примеру. Ветров смотрел на зал и испытывал в душе неоднозначные чувства. Он внутренне гордился собой. Однако эмоциональное выступление Антона Воронцова и сам факт неподчинения одного из комсомольцев уязвили его самолюбие. И он твердо решил про себя, что в будущем комсомольцу Воронцову предстоит повторить судьбу того, кого он так яростно защищал сегодня.

Виктор повернулся к одному из активистов, сидевших в президиуме. Тот вел протокол собрания.

– Записывай. Единогласным решением комитета комсомола Московского медицинского стоматологического института члену ВЛКСМ Антону Воронцову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. – И снова обратился к сидящим в зале комсомольцам: – Итак, товарищи, повестка дня нашего собрания исчерпана. Какие будут замечания по ведению собрания? Нет замечаний? Тогда предлагаю объявить собрание закрытым. Кто за?

На этот раз в зале уже никто не раздумывал. Все были за. Только Антон Воронцов демонстративно отказался голосовать. Но секретаря комитета комсомола это совершенно не смутило. Он улыбнулся Лебедкиной и твердым, не терпящим возражений голосом проговорил:

– Итак, большинством голосов – один воздержался – собрание объявляется закрытым. Все свободны.

Комсомольцы зашумели. Слышался звук передвигаемых стульев и оживленный гомон. Через несколько минут зал полностью опустел. Из членов президиума осталась только Лебедкина. Виктор повернулся к ней:

– Ну, что скажешь, Ира? По-моему, совершенно неплохо все прошло. Народ нас поддержал.

– Согласна. Действительно, все прошло как по маслу.

* * *

Осенние, пожелтевшие от дождей и календаря листья опали с холодных веток съезжившихся под пронизывающим ветром деревьев и, выписывая в воздухе затейливые пилотажные фигуры, сталкивались, издавая чуть слышный шелест. Листья еще продолжали о чем-то спорить и что-то обсуждать...

Марк и Антон только что вышли из института и молча курили в небольшом скверике возле центрального входа. Антон втянул в себя слишком большую порцию сигаретного дыма и натужно закашлялся. Потом с надрывом проговорил:

– Извини, что ничем не смог тебе помочь.

Марк неожиданно улыбнулся и похлопал Антона по плечу:

– Не переживай, Антон. Ты сегодня на деле доказал нашу дружбу. И это ты меня извини, что она обернулась для тебя строгим выговором с занесением.

– Просто это было несправедливо. И непорядочно по отношению к тебе.

Марк улыбнулся:

– Еще раз спасибо, Антон. Кстати, если уж на собрании нас объявили собутыльниками, то почему бы нам...

– Не опрокинуть? – подхватил Антон.

– Именно так. Опрокинуть по маленькой. И, может быть, даже по «средненькой».

– Предложение, которое подкупает своей новизной.

Антон широко улыбнулся. В этот момент казалось, что он уже забыл о недавних неприятностях.

– Так что? Идем? – произнес Марк скорее утвердительно.

– А куда пойдем?

– Я предлагаю в рюмочную.

– Как говорится, без особых изысков...

– А зачем нам изыски? – задал Марк вполне резонный вопрос.

Антон согласился:

– А действительно – зачем?

Друзья сели на трамвай и через полчаса после блуждания красного вагончика по старинным московским улицам оказались в нужном месте. Марк радостно объявил Антону:

– Все! Приехали!

Молодые люди вышли из трамвая и через пару минут оказались возле здания, на котором красовалась весьма оптимистичная вывеска «Рюмочная № 5». На вывеске помимо названия заведения был изображен вполне жизнерадостный и, можно сказать, счастливый мужик, который держал в руке хрустальную, наполненную до краев рюмку с горячительной жидкостью.

Антон посмотрел на вывеску и ехидно отметил:

– Марк, смотри, рюмочная явно предназначена для отличников – номер пять!

– Согласен. Заходи!

Внутри одного из самых популярных в столице заведений общепита вели обшарпанные, видевшие много самых разных ног ступеньки. Друзья спустились и подошли к стойке.

Антон потянул Марка за рукав. Тот обернулся:

– Что такое?

– Смотри, там в углу есть свободный «сидячий» столик. Только, по-моему, там не убрано.

– Да ничего. Иди, занимай.

Антон подошел к небольшому столику. Рядом стояла вешалка для одежды. Совсем простенькая. Антон снял куртку и повесил на вешалку. Сам остался в брюках и свитере. День был рабочий, а вечер еще только наступал. И посетителей в рюмочной оказалось совсем немного. Антон направился к стойке – их очередь уже подошла. Марк повернулся к Воронцову:

– Что будем брать?

Антон пытливо осмотрел прозрачную витрину-холодильник. Выбор был невелик, зато ассортимент очень подходил к душевной атмосфере заведения. Большой поднос с аккуратно нарезанными бутербродами с колбасой под прекрасным названием «Любительская». Рядом – глубокая тарелка, в которой вплотную лежали сваренные вкрутую яйца. А также консерв-

ные банки, на которых сияли красочные этикетки: «Крабы», «Печень трески» и, конечно, «Шпроты». «Отличная закуска», – подумал Антон и улыбнулся.

– Марк, я предлагаю сегодня погулять!

Марк повернулся к нему:

– В смысле?

– Ну, в смысле – нормально!

На лице бывшего члена ВЛКСМ Марка Квитко появилась понимающая улыбка:

– Понял!

Он повернулся к буфетчице и начал заказ:

– Нам, пожалуйста, бутылочку «Столичной», – и сделал паузу.

– Все? – резко бросила буфетчица.

– Нет, еще, пожалуйста, шесть бутербродов с колбасой, четыре стакана томатного сока, четыре яйца и две баночки крабов. Да, и еще шпроты – две баночки.

– И переложите, пожалуйста, из банок на тарелки, – вмешался Антон.

Женщина заметно смягчилась:

– Ишь ты, интеллигенты.

Пока Марк переносил закуску на стол, Антон вовсю беседовал с теперь уже улыбающейся буфетчицей, которой явно нравилось такое внимание. Отвлекся, только когда Марк его окликнул.

Антон почти профессионально открутил винтовую пробку у бутылки «Столичной» и разлил водку по угловатым, сделанным из толстого стекла рюмкам. И, щелкнув ногтем по краю рюмки, заметил:

– Просто, но надежно!

Они подняли стопки, ювелирно, до самых краев наполненные «столичной» водкой, и Антон начал произносить тост:

– Марк, так уж сложилось в этот осенний, но все-таки солнечный день, что именно буфетчица в «Рюмочной № 5» оказалась тем отзывчивым человеком, в участии которого мы сегодня нуждались целый день. Такого участия мы, к сожалению, не нашли среди наших вроде бы товарищей. И поэтому я хочу выпить за то хорошее, что есть в нашей жизни, за то светлое и доброе, что нас окружает несмотря ни на что, несмотря на проблемы и зависть. Я хочу выпить, Марк, за добрых и отзывчивых людей.

С этими словами Антон повернулся к стойке и поднял рюмку, словно намереваясь чокнуться ею с невидимым бокалом в руках «хозяйки» рюмочной. Женщине жест Антона очень понравился, и она снова улыбнулась...

– И вообще – за Добро в нашей жизни! – завершил он и протянул руку с рюмкой по направлению к рюмке, которую держал Марк. Послышался глуховатый, почти металлический звук.

– Не хрусталь, – ухмыльнулся Антон и опрокинул рюмку себе в рот. Немного поморщился и взял с тарелки сваренное вкрутую яйцо. Легким движением ударил о поверхность стола, раскалывая скорлупу.

– Хороший тост, – сказал Марк и тоже выпил, закусив «Любительской» колбасой. Антон тем временем сосредоточенно очищал яйцо от скорлупы. Закончив, обмакнул в стоящую на столе солонку и с удовольствием откусил достаточно большой кусок.

Марк снова наполнил рюмки «Столичной» и, взяв свою, вопросительно посмотрел на Антона.

– А теперь мне хотелось бы произнести тост.

– Понял! – Антон положил яйцо на тарелку и взял рюмку.

– Этот тост я хочу поднять за комсомол.

Воронцов поперхнулся.

– За... кого? Что?

Марк повторил:

– Да, Антон, этот тост я хочу поднять именно за комсомол. Согласен, сегодня не самый удачный день. Но Ветров, из-за которого мы попали на повестку дня на комсомольском собрании, далеко не весь комсомол. Я пью не за Ветрова. Я хочу произнести этот тост именно за комсомол, благодаря которому я очень многое получил в жизни. И прежде всего – управленческий опыт. Особенно в строительном отряде...

– Правильно! Работать, как Квитко! Вот наш главный девиз! – поддержал Антон.

Марк усмехнулся:

– Но сегодня мы не работаем. А пьем. Так что давай поднимем за ту замечательную организацию молодежи, которая дала нам возможность проявить себя. И действительно дала возможность научиться руководить. На мой взгляд, это очень ценный опыт. Так что мой тост – за комсомол!

Марк уже выпил и приступил к следующему бутерброду с «Любительской», а Антон все еще задумчиво молчал. Наконец он неторопливо, словно взвешивая каждое слово, прежде чем произнести его, сказал:

– А ведь, пожалуй, ты действительно прав. Ветров и комсомол, на самом деле, абсолютно разные вещи. Ветров просто-напросто карьерист. А комсомол карьеристов не любит. Хотя, нужно признать, делать хорошую карьеру помогает. И, думаю, время все равно все расставит по своим местам. Каждый получит именно то, что он заслуживает. Так что, Марк, я тоже пью за комсомол!

Антон опять легким движением опрокинул рюмку со «Столичной» в рот и снова закусил яйцом и кусочком ржаного хлеба. Потом потянулся к тарелке с крабами:

– Марк, весьма рекомендую!

– Нет возражений!

Друзья положили себе в тарелки по порции крабов, потом – печень трески. Шпроты Антон использовал для приготовления незамысловатых бутербродов – две-три рыбки на продолговатый кусок черного хлеба.

Антон с удовольствием попробовал бутерброд, который получился в результате его манипуляций:

– Вкусно!

Марк усмехнулся:

– Еще бы! Крабы и шпроты, особенно под водочку... – И он снова наполнил рюмки: – Еще по одной?

– Возражений и противопоказаний не имеется! – Антон внимательно посмотрел на Марка: – Слушай, а почему все-таки Ветров так на тебя ополчился? Как говорится, собрал все в одну кучу – и на Кавказ ты уехал, и противопоставление себя коллективу, и прочая чепуха.

Марк подцепил вилкой кусок крабового мяса и отправил в рот:

– Тут, на самом деле, Антон, все очень просто. Помнишь, после публикации той заметки – «Работать, как Квитко» – в нашей институтской многотиражке Ветрова словно подменили...

– Понятно...

– Чтобы стало еще понятней, поясню. Думаешь, почему ему это словно шило в филейную часть?

Антон усмехнулся:

– «Филейная часть», Марк, термин совершенно далекий от медицины.

– Зато он очень близкий к нашему сегодняшнему положению. Слушай дальше. После публикации этой заметки в институтской многотиражке про «квитковское движение» мы с ним как-то разговаривали в его кабинете. И у него тогда вырвалась фраза: «Вот, Марк, на пятки

мне наступаешь». Он ее, знаешь, произнес вроде бы между прочим. И я особенно не придал ей значения. Он в этот момент только вернулся из Анголы, где, как считалось, помогал строить местный коммунистический союз молодежи. Я в то время исполнял его обязанности, и ректор ко мне стал очень хорошо относиться...

– Я тоже, кстати, это заметил, – сказал Антон.

– Вот. И я тебе скажу, что произошло. На мой взгляд, обычная человеческая зависть. Ко мне ректор стал хорошо относиться, а к Ветрову – не очень. И тот, как опытный аппаратчик, решил просто устранить конкурента.

Антон взял бутерброд с «Любительской» и откусил:

– И все-таки я не пойму... Естественно, он стал, по сути, ревновать к твоим успехам и опасаться, что ты можешь занять его место. Но он же везде всегда распинался, что вы друзья...

Марк поднял очередную наполненную рюмку:

– Давай-ка выпьем, чтобы таких друзей, как Ветров, было поменьше... Так вот, – продолжил он. – Когда Ветров приехал из Анголы и увидел, какая в институтском комсомоле сложилась ситуация, я имею в виду лично для него, то, видимо, у него и созрел этот план.

– План?

– Слушай дальше. Когда наш курс собирался на картошку, Виктор сам подошел ко мне и сказал: мол, наверное, устал, съезди отдохни. И все останется между нами. Ну, я и махнул в Грузию. Путевку, кстати, наш студент – Гиви – помог достать. У него папа всем туризмом в Грузии заведует. Я и отправился в Пицунду.

– И хорошо провел там время, – с сарказмом заметил Антон.

Марк кивнул в знак согласия:

– А наши поехали на картошку. И Ветров с ними. Все как положено комсомольскому вожаку – вместе с народом убирал картофель в Дмитровском районе. Каждый день – в поле.

– А каждую ночь – на сеновале.

– Возможно. Без этого, на мой взгляд, и «картошка» – не «картошка». Но этого я не знаю. Утверждать не могу. Но точно знаю другое. Когда в Дмитровский район приехал ректор Алексей Захарович Николаев, то он первым делом проверил, где живут студенты, чем они питаются, как идет работа. И ректор, которому все очень понравилось, вдруг спрашивает: «А что-то я Марка не вижу? Он что – приболел?»

– И тут-то и случается главная сцена...

– Именно так, Антон. И вот здесь Ветров, в замызганной от работы штормовке, весь в разводах глины и грязи, говорит: вы знаете, Алексей Захарович, по моей информации, Марк уехал отдыхать в Пицунду.

– Как говорится – гром среди ясного неба!

– Конечно. Ректор же у нас – человек еще сталинской закалки. Решение принял мгновенно. Разобрать на комсомольском собрании и прочее.

– Но ведь разобрать – это не исключить?!

– А я тебе объясню, как все произошло! Когда я приехал из Пицунды, все это узнал. И тогда – возможно, это была моя ошибка – я встретился с Виктором и в сердцах высказал все, что о нем думаю.

– Короче, Марк, если говорить по-русски, ты его просто-напросто послал? Я правильно понял?

– И это тоже было. Но главное – я сказал ему, что он поступил как последний подлец! Сам же отправил меня отдыхать, а представил все так, словно я уехал самовольно!

– Он не подлец, он – просто сука! – мрачно заметил Антон.

– Ну, вот. И после этого он все и закрутил. Формально – правда на его стороне. Я действительно уехал в Пицунду, никого не предупредил и все такое прочее.

– А фактически – Ветров просто сучара последняя... Слушай, Марк, а почему бы тебе с Алексеем Захаровичем напрямую не поговорить. Он же к тебе всегда хорошо относился? Ты же даже как-то на ученый совет к нему напрямую заявился! Все тогда, мне отец рассказывал, просто обомлели от такого напора!

– Ты знаешь, я пытался. Но факт есть факт – в то время, когда весь курс копался в грязи, убирая картошку, я лежал на теплом песочке у Черного моря.

– А ты еще раз попытайся!

Марк задумался:

– А может, ты и прав. Попробую. Как говорится, терять же мне все равно, по большому счету, уже нечего. Так что – попробую.

– Давай-ка еще по маленькой!

– Возражений не имеется!

* * *

Утром Марк проснулся необычно свежим и без головной боли. Он подумал: «Вот что значит – хорошая компания». И тут же вспомнил совет Антона – поговорить с ректором. Быстро умылся, заправил постель, позавтракал и отправился в институт...

В приемной ректора Стоматологического института, вопреки обычному положению вещей, не оказалось посетителей. Секретарь, которая хорошо знала Марка, совсем не удивилась приходу обычного студента и попросила его подождать – пока Алексей Захарович освободится. И через пару минут кивнула, указывая ему на дверь:

– Заходи, Марк!

Марк отворил тяжелую, сделанную из хорошего дерева дверь:

– Разрешите войти, Алексей Захарович?

Ректор сидел за столом и просматривал бумаги. Увидев Марка, он приветливо сказал:

– Входи, входи, Марк! Присаживайся.

Марк сел на один из стульев, которые, словно рядовые бойцы, в одну шеренгу стояли возле длинного стола с массивными ножками. Стол покрыт добротным зеленым сукном. «Настоящий министерский», – подумал Марк. Ректор вышел из-за стола, выдвинул стул и сел напротив. Внимательно посмотрел на Марка:

– Ну, рассказывай...

– А что рассказывать, Алексей Захарович! Вот так все получилось...

Ректор смотрел на Марка, и в его глазах читалось определенное сочувствие к студенту. Но в то же время взгляд руководителя учебного заведения был жестким и требовательным:

– Мне кажется, Марк, ты зря обижаешься на комсомол...

– Алексей Захарович, я вовсе не на комсомол обижаюсь!

– Знаю. Но в данном случае ты – неправ.

– Формально – я все понимаю...

Ректор встал со стула и прошелся по кабинету. Вернулся за свой рабочий стол. И продолжил:

– Тебе, конечно, не нужно было уезжать... Я тебе расскажу один случай из своей биографии, когда вот такая мелочь едва не стоила мне карьеры, а возможно – и жизни...

* * *

Февраль 1951 года

За оконными стеклами мела непоседливая московская метель. Снежинки настойчиво стучались в закрытые на зиму и заклеенные окна Министерства здравоохранения.

Еще совсем молодой заместитель министра Алексей Захарович Николаев сидел за массивным столом, обитым зеленым сукном. На столе в серебряном подстаканнике – стакан чая с лимоном. Алексей Захарович просматривал последнюю сводку о росте заболеваемости гриппом. На ней стоял гриф: «Для служебного пользования».

На столе находилось и несколько телефонов. Но, безусловно, главным среди них был аппарат правительственной связи. И именно он в этот момент зазвонил. Алексей Захарович вскочил с кресла и, вытянувшись по стойке «смирно», осторожно взял трубку. Звонить по этому аппарату могли только два человека – Сталин или Берия. И разговаривать с ними полагалось исключительно стоя. Даже если управленец находился в кабинете совершенно один. Проявляя тем самым максимальное уважение и почтение к человеку, который звонил. На этот раз звонил Лаврентий Павлович.

Николаев хорошо поставленным голосом проговорил:

– Заместитель министра у аппарата!

В трубке послышался легкий шорох, и затем глуховатый голос с грузинским акцентом медленно проговорил:

– Кто вам сказал, что вы – замминистра? А?

И на том конце провода положили трубку. Послышались короткие гудки. Алексей Захарович обомлел и почти без сил плюхнулся в кресло. Все сознание было заполнено только одной мыслью: «Что случилось?»

Февральская метель все так же мела за плотно закрытым окном министерского здания, и снежинки все так же безуспешно пытались пробиться сквозь хорошо установленные стекла...

Так что же произошло? История, на самом деле, оказалась на редкость прозаичной. За неделю до этого звонка заместителю министра здравоохранения позвонили из приемной Берии и передали указание – гражданка такая-то должна быть принята в Первый медицинский институт.

Но когда девушка пришла к нему на прием, то попросила устроить ее не в Первый медицинский институт, а во Второй. Дескать, там учится подруга и ей хотелось бы учиться вместе с ней.

Николаев, помня, откуда прозвучал телефонный звонок, конечно, ответил согласием. Честно говоря, если бы она попросила организовать для нее отдельный медицинский институт, то заместитель министра здравоохранения это бы сделал, совершенно не задумываясь. А тут – такая мелочь – вместо Первого направил во Второй медицинский институт!

Вопрос решили моментально. И вот через неделю недовольный звонок от самого Лаврентия Павловича. Неизвестно почему, но Берия решил, что его посмели ослушаться. И молодой заместитель министра попал, можно сказать, в немилость...

* * *

– ...И помогли мне, кстати, Марк, сотрудники, которые работали у Лаврентия Павловича. Из кресла заместителя министра здравоохранения я уехал в Чувашию. Но, к счастью, именно этим дело и закончилось.

Марк слушал очень внимательно.

– Понял, Алексей Захарович. Я тоже буду считать, что мне в этом случае еще повезло.

– Не отчаивайся, Марк. Я со своей стороны тоже попытаюсь что-нибудь придумать. А пока иди и учись. Жизнь все расставит по своим местам. Главное сейчас – не делай никаких глупостей, чтобы не усугубить ситуацию. А пока иди.

Марк поднялся со стула:

– Спасибо, Алексей Захарович!

– За что?

– Да просто за понимание.

Через несколько минут Марк вышел из института. В скверике возле входа, почти засыпанная разноцветными листьями, стояла одинокая скамейка. Стряхнув листья, Марк присел на нее. Достал пачку сигарет. Аккуратно вытащил одну и закурил.

– Ну, что? Сидишь, приятель?

Марк поднял голову и посмотрел на подошедшего к нему человека. Им оказался Антон Воронцов. Марк улыбнулся:

– Ну, что Антон, как самочувствие?

– Отлично! А у тебя?

– Самочувствие – прекрасное. А вот жизнь...

– Ладно, не кисни. Пойдем лучше пройдемся. У меня к тебе серьезный разговор есть. Может оказаться весьма для тебя интересным.

– Что за разговор?

– Пойдем, и все узнаешь.

Друзья миновали сквер и вышли на тихую пешеходную улочку. Старую московскую. И не спеша пошли по ней к центру, который находился совсем недалеко.

Антон продолжил начатый разговор:

– Я тут посоветовался с отцом, и он мне подсказал один хороший момент, который тебе, я думаю, может оказаться полезным.

– И что за момент?

– У него есть хороший знакомый – профессор стоматологии в ГДР. А у того ученик уехал в ФРГ и открыл там стоматологическую клинику. Ведь ты, насколько я помню, на нашем курсе не только строительным отрядом руководил, но и считался одним из самых перспективных – в смысле врачебной практики – студентов?

Квитко усмехнулся.

– Так вот. Для тебя это вполне реальный шанс наладить свою жизнь...

– Я и хочу наладить. Но не бежать!

– Да это не бегство!

– Нет, это самое натуральное бегство! А я хочу добиться правды. Доказать всем собственную правоту!

Антон задумчиво пошевелил носком ботинка кучку разноцветных листьев.

Марк посмотрел на него с улыбкой и проговорил:

– Конечно, ты прав. Но если я уеду, то тот же Ветров будет злорадно потирать руки. Мол, «покинул Родину!». И тогда мое исключение из комсомола получит еще одно подтверждение. И все будут думать, что меня действительно исключили за дело!

Антон возразил:

– Но я же так не думаю?!

– Ты – это совершенно другое дело. А все другие будут думать именно так. И Ветров эти мысли будет всячески поддерживать. Он даже счастлив будет, если ситуация сложится подобным образом. Тогда все скажут, что Ветров был прав, сразу разглядел в комсомольце Квитко червоточину.

Антон хмыкнул.

– Ты же понимаешь, что если я уеду в капиталистическую страну, то обратно хода мне уже не будет, – продолжил Марк. – Как ты думаешь?

Антон посмотрел на Марка остро и серьезно:

– Я думал об этом. Честно – думал и очень серьезно. Но, послушай, что ты будешь иметь, если останешься в Советском Союзе? Ты исключен из комсомола, причем с весьма двусмысленной формулировкой – «противопоставление личных интересов общественным».

Марк грустно усмехнулся:

– Да уж, в прежние времена такой ярлык стал бы поводом уже для других оргвыводов.

– Ты, Марк, все правильно понимаешь. Конечно, проблема этих людей в том, что они, увы, не читали великолепную «Философию права» великого немецкого философа Гегеля, который в ней утверждал, что «интерес целого реализуется, распаясь на особенные цели».

– Антон, никогда не думал, что ты читаешь таких авторов! В смысле – где челюстно-лицевая хирургия, а где – «Философия права» Гегеля?!

Глава 2. Чистая страница жизни

Самолет, следовавший рейсом из Тель-Авива в Ганновер, пошел на снижение. Спустя несколько минут он уже коснулся колесами взлетно-посадочной полосы и мягко, с легким шуршанием покатился по идеально ровному бетонному покрытию и вскоре остановился. К самолету немедленно подали трап.

Сидевший ближе всех к выходу молодой человек отстегнул ремень безопасности и встал с кресла. Он был высокого роста, черноволосый, с правильными чертами лица.

– Марк, мы уже прилетели? – В кресле, находящемся рядом с тем, с которого только что встал молодой человек, сидела эффектная девушка. На вид ей было около двадцати. Потянувшись, она повторила: – Мы что, уже в Германии?

Молодой человек с улыбкой посмотрел на девушку:

– Да, дорогая, уже прилетели.

Девушка еще раз потянулась:

– Наконец-то.

Пассажиры уже шли по проходу, выходили из лайнера и спускались по трапу на непривычно чистое летное поле. Марк с улыбкой показал Рите на бетонное покрытие аэродрома:

– Смотри, такое впечатление, будто аэродром вымыли с шампунем.

Рита в ответ улыбнулась.

В это время подкатил элегантный автобус «Мерседес». Цвет необычный – ярко-зеленый. Марк и Рита зашли в автобус и сели в мягкие, комфортные кресла. Вспомнилось слово, которое Марк вычитал в одном из классических учебников, где излагались требования к медицинскому оборудованию, и зубоврачебным креслам в частности. Эргономика. Он вспомнил, как придумывал для себя простое объяснение сложному термину – наука о том, как сделать окружающие предметы, а также средства производства, технику и кресла максимально удобными для человека.

Автобус подкатил к залитому лучами утреннего солнца зданию аэропорта. Их тонкие копыта невидимо пронзали затемненные стекла здания. Молодые люди вышли из автобуса. В руках у Марка была добротная дорожная сумка. У Риты через плечо висела обычная дамская сумочка. Но в ней странным образом помещалось очень много предметов. Марк улыбнулся, вспомнив, как один из его сокурсников, поступивший в институт после службы в Советской армии – а служить ему пришлось в знаменитых воздушно-десантных войсках, – с определенной долей иронии отмечал, что женская сумка очень напоминает РД – рюкзак десантника. Места в ней мало, а умещается почти все. Все, как говорят женщины, самое необходимое.

Марк и Рита прошли через турникет и направились к стойке пограничного контроля.

Формальности закончились быстро, и они пошли в небольшое кафе, расположенное в здании аэропорта. Очереди не было, и это приятно удивило. Марк вполголоса произнес:

– Видишь, в Германии почти нет очередей. А в Москве на улице Горького пришлось бы очень долго ждать, чтобы попасть в «Лиру».

– Зато там есть особый, неповторимый дух, которого нет ни в одной стране мира.

Рита села за столик и осмотрелась.

– Знаешь, Марк, а я скучаю по этому духу братства и коллективизма. Доброго, хорошего коллективизма.

Марк улыбнулся в ответ, но улыбка была с небольшой примесью грусти:

– Ты же знаешь, что если бы не сложившиеся обстоятельства...

– Я все понимаю. Но – по Москве уже скучаю...

К их столику подошел официант. Марк сделал заказ – омлет, кофе, тосты, апельсиновый сок. И вернулся к прерванному разговору:

– Сейчас я с огромной благодарностью вспоминаю Нину Матвеевну Беркову, которая так нам помогла!

– С ней тебя, кажется, познакомил Антон...

– Да, да! Помнишь, когда мы ждали документы на выезд, то нам отказали?

– Конечно, помню!

– Так вот! Она позвонила своим знакомым, которые посоветовали попробовать выехать в Германию через Израиль! И ведь получилось! В Израиль нас выпустили практически сразу, а в Германию почему-то не хотели...

– Да уж! Интересно, чем она занимается и что у нее за знакомые, которые дают такие советы... Обычно ведь, знаешь, где их дают? Ну, в смысле, в какой организации?

– Знаю. Нина Матвеевна – литературный редактор в одном крупном издательстве. Запросто могла пообщаться не только с крупными писателями, но и с крупными партийными деятелями. Не забывай, Союз писателей СССР – это основа государственной идеологии. Это те люди, которые излагают фундаментальные идеи развития общества в художественной форме. И во многом с помощью этих идей создается государственная реальность... – улыбнулся Марк.

К ним опять подошел официант с подносом и поставил на столик омлет с ветчиной и кофе. Рита взяла миниатюрную чашечку и сделала маленький глоток:

– Марк, давай только без идеологии... Мы уже в Германии, и мне совсем не хочется слушать про идеологию, тем более – государственную.

Марк укоризненно взглянул на девушку и покачал головой:

– Сразу видно, что ты в Москве не ходила в Университет марксизма-ленинизма.

– А что я там забыла? – с таким же укором во взгляде ответила Рита.

– Ничего. Но если бы ты туда ходила, то наверняка бы уяснила, что государства без идеологии нигде в мире не существует. И здесь – в ФРГ – она тоже есть. Я думаю, что мы не раз с ней столкнемся. Идеологии есть у любого, даже самого неразвитого государства. Просто у каждого они разные... Но все направлены на отстаивание исключительно национальных интересов.

Рита опять посмотрела на Марка так, что он едва не подавился омлетом:

– Марк, дорогой, ну сколько можно? Дай спокойно поесть...

Тот нахмурился, но ничего не сказал. Прожевав омлет и запив его апельсиновым соком, он размеренно произнес:

– Все потому, что ты политически абсолютно незрелая...

– Зато у меня другая зрелость проявляется в полной мере.

Марк улыбнулся:

– Мне трудно с этим спорить.

Он поднял глаза вверх, сложил на груди руки и нараспев продекламировал:

*И будучи донельзя пьяным,
Судьбу несчастную кляня...
Я весело люблю Марьяну,
А не смогу – она меня!*

Рита изобразила на лице неудовольствие:

– Марк, ну это же пошло!

– А что, если это – правда?!

– Правда, я согласна с этим, но все равно отдает какой-то пошлятиной! И что это за Марьяна?

– Это просто для рифмы, не переживай!

Марк закончил есть омлет и начал смаковать кофе. Отлично сваренный напиток для настоящего ценителя представлял почти художественную ценность. А Марк любил кофе. Он сделал глоток и, посмотрев на Риту, заметил:

– А вот кофе здесь, без преувеличения, просто отличный! Умеют немцы его варить!

Рита уже допила свою чашку. Она немного помолчала и спросила:

– А сейчас куда?

– Сейчас?! Поедем в гости к одному немцу. Он сам – из ГДР. Его координаты мне дал Антон. Это родственник знакомых его отца...

– И не боится он иметь таких знакомых?

– Очень дальний родственник. Когда тот сбежал из ГДР, то их даже не наказали! Потому что – дальние родственники. И он, как и я – стоматолог. Попробуем вместе открыть свое дело.

Через полчаса пара вышла из здания аэропорта к стоянке такси. Рита наклонилась к водителю и довольно бегло заговорила по-немецки. Марк посмотрел на нее и спросил:

– Едем?

– Едем.

Через минуту ярко-красный «Мерседес» выехал из аэропорта в Ганновер...

* * *

Этикетки на бутылках с пивом оказались необычно яркими и при этом – разными. Марк держал в руке большую кружку с венчавшей темный напиток белой шапкой неувядающей пены. Он внимательно слушал Курта. Тот говорил на немецком языке, а Рита переводила. В Москве она окончила Институт иностранных языков имени Мориса Тореза и свободно владела немецким. Курт увлеченно рассказывал о том, что необходимо для открытия стоматологической клиники.

Марк не удержался и все-таки сделал небольшой глоток из объемистой кружки с пивом.

– Я так понял, Курт, что на днях мы должны пойти в банк за тем, чтобы получить кредит?

Рита перевела. Курт энергично закивал головой и выдал длинную фразу на немецком языке. Рита подумала и перевела:

– Конечно! Нам предстоит беседа с председателем банка, который специализируется на том, что выдает кредиты практикующим врачам. И эти врачи – стоматологи.

Марк сделал еще один глоток пива. На этот раз большой:

– Отлично! Тогда поедем в банк прямо завтра!

* * *

Двери Стоматологического банка сияли особой, присущей только кредитным учреждениям роскошью. На табличке с надписью по-немецки «Стоматологический банк» дрожал, растекаясь в золотое пятно, легкий солнечный лучик. Он то появлялся, то исчезал – на небе проплывали легкие облака, которые на несколько секунд загоразивали солнце. Солнечные зайчики играли в ярко начищенных ручках входной двери.

Марк взялся за одну из них и открыл дверь. Повернувшись к Курту и Рите, он произнес:

– Сегодня хороший день – солнечный. Я думаю, что и визит в банк должен быть именно таким – солнечным и удачным.

– Я тоже на это надеюсь, – улыбнулся Курт.

Они пересекли просторный холл и подошли к бюро пропусков. Здесь уже ждал молодой человек весьма приятной «банковской» наружности. Он был одет в строгий темно-синий костюм. На идеально белой накрахмаленной сорочке элегантно и неброско, демонстрируя

хороший вкус своего обладателя, выделялся повязанный правильным узлом галстук в красно-белую полоску на синем фоне.

Молодой человек подошел к Марку, Рите и Курту и вежливо поздоровался:

– Здравствуйте! Я помощник председателя банка Йохана Муркуля. Меня зовут Ханс. Позвольте вас проводить для дальнейшей беседы с председателем.

Ханс повернулся и уверенной походкой направился к лифту. Курт, Рита и Марк последовали за ним. Когда они заходили в лифт – весьма вместительный и выглядевший так же роскошно, как и сам банк, – Марк неожиданно подумал: «В самом деле, местные лифты очень отличаются от нашей советской действительности.словно другая планета. Но, с другой стороны, в СССР я оставил часть своего сердца и уже довольно большой кусочек собственной жизни...»

Лифт остановился на десятом этаже. Двери открылись почти бесшумно. Ханс учтиво пропустил гостей вперед. Сам вышел последним. Вся компания оказалась прямо перед массивными дверями, затейливо отделанными, с прикрепленными золотыми буквами, из которых складывалось сокращенное название банка.

Ханс опять прошел вперед и услужливо растворил двери:

– Прошу! Господин Йохан Муркуль ждет вас!

Из-за огромного, сделанного из цельного дуба стола, обтянутого зеленым сукном, поднялся властного вида мужчина с тщательно уложенными, начинающими сесть волосами. Он показал рукой на стоящие возле небольшого столика мягкие кресла и сказал:

– Садитесь, господа!

Марк опять усмехнулся про себя: «Вчера еще были товарищи, а сегодня – уже господа. Как говорится, все-таки повышение!» Вслух свои мысли он, естественно, озвучивать не решился.

Йохан Муркуль дождался, пока гости устроятся в роскошных креслах, и неторопливо произнес:

– Я слушаю вас, господа!

Курт уверенно говорил о совместном проекте. Господин Муркуль слушал с очень доброжелательной улыбкой на лице. Но Марк поймал в его глазах мелькнувшую только на мгновение ироничную искорку.

Когда Курт закончил, председатель банка спросил:

– Я все понял, господа. Вам необходимы деньги для того, чтобы открыть собственную зубо-врачебную клинику. Но вы же понимаете, надеюсь, что пришли не в благотворительный фонд, а в банк. Причем банк весьма и весьма солидный. Вы просите два миллиона марок. Но, прежде всего, мне хотелось бы узнать, какой у вас уже есть капитал?

Курт вопросительно посмотрел на Марка. Квитко немедленно вступил в беседу:

– Видите ли, господин Муркуль, наше финансовое положение не самое блестящее – у Курта всего три тысячи марок, а у меня долг – три тысячи...

Председатель банка усмехнулся:

– Интересно, почему такое совпадение баланса?

– Дело в том, что Курт продал мне в долг автомобиль – «Мерседес».

Председатель банка снова мягко улыбнулся:

– Хорошо, а денег у вас сколько?

Марк продолжил:

– Если честно, то практически нисколько...

– Как же вы пришли просить целых два миллиона марок?!

Квитко посмотрел председателю Стоматологического банка прямо в глаза и мягко, но при этом внушительно произнес:

– Мы верим в успех нашего бизнеса, господин Муркуль...

Председатель Стоматологического банка смотрел на необычных визитеров уже не с холодной вежливостью, как в самом начале встречи, а почти по-дружески:

– Хорошо, я подумаю, что мы сможем сделать для молодых врачей-стоматологов...

Глава 3. Секреты успешного бизнеса

Марк, Рита и Курт сидели в одном из многочисленных кафе, разбросанных по Ганноверу. Марка все еще поражало изобилие меню и полное отсутствие очереди в такое шикарное заведение.

Курт и Рита пили кофе. Марк – апельсиновый сок.

Он сделал небольшой глоток и проговорил:

– Слушай, Курт, а все-таки неплохой мужик этот Йохан Муркуль! Согласился помочь при том, что у нас совсем нет активов...

Курт его перебил:

– Если он даст ту сумму, которую они обычно выделяют, как он выразился, «молодым стоматологам», то мы вполне сможем арендовать приличное помещение и даже купить самое необходимое оборудование. И уже начинать работать.

Марк вздохнул. И произнес медленно и задумчиво:

– Но другая проблема – где брать клиентов? Хотя... У меня есть на этот счет некоторые соображения.

Курт оживился:

– Ну, давай, рассказывай!

– Все просто. Дело в том, что такая капиталистическая страна, как Федеративная Республика Германия, оплачивает своим гражданам из специальной страховой кассы лечение и протезирование зубов полностью!

– Однако...

– Поэтому моя идея очень проста. Немецкие врачи совершенно не любят, я это уже выяснил в зубоврачебной ассоциации, так называемые «дежурства для одиноких».

Курт усмехнулся:

– Это как?!

– Очень просто. Зубоврачебная ассоциация заставляет докторов дежурить по выходным дням. А они этого очень не любят...

Рита вклинулась в перевод с немецкого собственной фразой:

– Еще бы – какой женщине понравится, что ее муж вместо супружеского долга исполняет служебный...

– И жене, – добавил Курт.

Марк продолжил:

– Так вот, объясняю. Я побывал в зубоврачебной ассоциации и переговорил с ними. Оказывается, они очень рады тому обстоятельству, что двое приезжих – русский и немец – готовы взять на себя дежурства...

– И что для этого еще нужно? – недоверчиво поинтересовался Курт.

Марк на несколько секунд замолчал. И продолжил:

– Нам только необходимо обзвонить тех врачей, которые в ближайшее время будут дежурить... Так что садимся за телефон!

Курт усмехнулся:

– Что – прямо в кафе?

– Нет, конечно! Для этого нам нужно организовать свою клинику...

* * *

– Ай, спасибо, уважаемый! – Внушительных размеров турок вылез из стоматологического кресла и облегченно вздохнул. – Думал, что очень больно будешь делать! А сделал хорошо! Доктор – хорошо!

Турок выглядел весьма импозантно. На нем была цветастая рубашка и джинсовые шорты. На ногах – кожаные сандалии. Он сейчас широко улыбался, и Марк не без удовольствия рассматривал только что сделанную работу – золотые коронки.

Турок повернулся к зеркалу и улыбнулся еще шире – ему очень понравился рот, полный золотых зубов.

Квитко подумал: «Конечно, еще бы не понравился – всю работу и стоимость золота в Германии оплачивают страховые кассы. Сто процентов!» Но вслух сказал:

– Через десять дней вам необходимо прийти на прием, и мы уже окончательно закрепим коронки!

Турок повернулся к Марку:

– Через десять дней, уважаемый, не могу!

– А что случилось?

– Я, уважаемый, еду домой на две недели! Отдыхать буду!

Марк опять довольно улыбнулся, глядя, как посетитель клиники радостно рассматривает только что установленные зубные протезы:

– Хорошо. Отдыхайте! Но через две недели я вас снова жду на прием!

– Спасибо, уважаемый, обязательно приду!

Квитко проводил пациента и вышел из врачебного кабинета, сияющего чистотой и обилием белого цвета, в холл клиники. Он сел в большое, удобное кресло и придвинул к себе телефон. Взял в руки и раскрыл большой телефонный справочник. В нем были собраны не телефонные номера жителей Ганновера, а телефонные номера проживающих в городе и его окрестностях зубных врачей.

Марк вместе с Куртом уже несколько дней обзванивали своих коллег. В своей схеме Марк все рассчитал правильно – очень многие врачи с радостью соглашались отдать субботние и воскресные дежурства. Курт поначалу удивлялся этому факту, но за несколько дней «сидения» на телефоне коллеги набрали дежурств на шесть месяцев вперед.

На бухгалтерском языке сухих цифр это означало довольно внушительные суммы, которые выплачивали страховые кассы и зубоврачебная ассоциация. Уже имеющиеся «в портфеле» заказы тянули минимум на полмиллиона марок...

* * *

Чашка с кофе, стоящая на столе, источала великолепный аромат благородного напитка. Курт сделал маленький глоток и посмотрел на Марка, который сидел с ним за столиком. Посмотрел вопросительно. Тот сразу же начал говорить. Жизнь в языковой среде давала свои плоды – Квитко уже мог излагать свои мысли без переводчика:

– Понимаешь, нам нужно заключить небольшое соглашение.

Немец продолжал все так же вопросительно смотреть на Марка:

– Зачем?

– Затем, что в жизни бывают самые разные ситуации. Мало ли что...

– Ты мне не доверяешь?

– Я тебе доверяю, но что нам делать, если вдруг кто-то из нас решит уйти и начать собственный бизнес?

– И что ты предлагаешь? Подстраховаться?

– Именно так. И заметь, Курт, это будет самая обычная, дружеская страховка. Ведь ее главное предназначение заключается в том, чтобы наш бизнес не разрушился!

Курт медленно поднес чашку к губам и сделал маленький, почти незаметный, глоток кофе.

– Если честно, Марк, я тоже уже не раз об этом задумывался. Мы с тобой хорошие друзья, но в бизнесе случается всякое. Или точнее – бизнес есть бизнес. Наверное, нам действительно следует оценить все свои возможности и продумать элементарную страховку... – Он замолчал. И снова неторопливо произнес: – Думаю, ты прав. Но у меня один небольшой вопрос.

– Говори, я слушаю.

– А вопрос, в принципе, такой: ты что, собираешься прекратить со мной бизнес?!

Квитко широко улыбнулся:

– Подожди, Курт, почему у тебя вообще возникли такие мысли???

– Нет, Марк, это ты подожди. Мы с тобой нормально ведем бизнес, клиника работает очень хорошо...

Марк решил прервать монолог Курта, который уже почти рассердился.

– Я все-таки прошу тебя успокоиться. Ты вовсе не должен принимать мои слова так близко к сердцу. Я хочу только хорошего. И я еще раз хочу объяснить сущность своего предложения. Представь на минуточку: мы оба довольны работой нашей клиники, но в один прекрасный день один из нас, я не говорю, что это будешь именно ты, Курт...

Партнер Марка опять нахмурился:

– Но ты это подразумеваешь?! Намекаешь на то, что это буду я.

– Постой, Курт. Просто дай мне договорить. Так вот. Я не говорю ни о каком недоверии к тебе. Я просто предлагаю определенную страховку для нашего бизнеса. Ведь мысль об уходе из нашего предприятия вполне может возникнуть и у меня. И это условие, о котором я говорю, будет вполне приемлемой страховкой. Я предлагаю следующее – тот, кто покидает наш бизнес первым, выплачивает своему партнеру миллион марок. И берет на себя все его долги.

Курт все еще сидел с хмурым лицом. И так же мрачно произнес:

– Извини, Марк, я не понял твою фразу насчет долгов.

– А что здесь непонятного?

– Но ведь долги у нас есть. И они немалые.

– Именно поэтому тот, кто первым решит покинуть наше предприятие, должен выплатить своему партнеру миллион и взять на себя все его долги. Чтобы не оставить партнера один на один с его проблемами и, как говорили у нас в СССР и у вас в ГДР, злым оскалом капиталистической действительности.

Курт опять задумался. И медленно произнес:

– А откуда, дорогой Марк, взялась эта цифра – миллион марок?! Почему, например, не два миллиона марок? Или полмиллиона?

Квитко опять улыбнулся и ответил абсолютно честно:

– Дело в том, что я всегда хотел быть миллионером. А ты?

Курт улыбнулся в ответ:

– Получить миллион настоящих немецких марок... Скажу честно, что подобное желание у меня тоже имеется. Так что по поводу суммы я абсолютно согласен. Пусть это будет миллион дойчмарок.

Марк кивнул и сказал:

– Очень хорошо, Курт. Честно говоря, в глубине души я сомневался, что ты примешь мое предложение. Но ты оказался очень здравомыслящим и практичным человеком. Тогда предлагаю скрепить наш договор рукопожатием...

Друзья пожали друг другу руки, и Марк предложил:

- А теперь, может быть, выпьем что-нибудь более крепкое, чем кофе?
- Не возражаю... – пожал плечами немец.

* * *

– Можно войти, уважаемый?! – Голос вошедшего звучал просительно и приторно, словно рахат-лукум – классическая восточная сладость в него была вплетена уже изначально. – Разрешите, уважаемый? Извини, что отвлекаю...

Марк сидел за столом в своем кабинете и заполнял отчет о приеме пациентов, необходимый для зубоврачебной ассоциации. На основании этого отчета – о дежурствах Emergency – зубоврачебная ассоциация выплачивала докторам гонорар за проделанную работу.

Квитко отложил в сторону исписанный аккуратным почерком лист белой бумаги и, повернувшись к уже почти вошедшему в кабинет человеку, негромко произнес:

– Конечно, входите. Тем более вы уже и так почти вошли...

– Ай, спасибо, уважаемый! – Турок, который приходил на прием две недели назад, выглядел еще толще, чем в прошлый раз. Марк невольно поймал себя на мысли, что посланец далекой восточной страны напоминает до предела набитую авоську после посещения супермаркета. И чуть не рассмеялся. Но вовремя спохватился и изобразил нарочито серьезное выражение на лице.

Турецкий пациент с трудом протиснулся в дверь и подошел к стоматологическому креслу. Взгромоздился на него и послушно открыл рот. Кресло под массивным пациентом жалобно поскрипывало. Марку даже послышался звук, напоминающий стон. Казалось, что неодушевленный предмет испытывает почти осязаемую боль.

Квитко отложил отчет и, надев маску и шапочку, присел на свой стул возле стоматологического кресла. Турок сидел в кресле с открытым ртом и закрытыми глазами. На его лице, насколько это было возможно заметить, отражалась безмятежность бытия и довольство человека, весьма хорошо отдохнувшего за две недели пребывания на родине.

Марк натянул тонкие резиновые перчатки и, взяв инструменты, по привычке произнес:

– Ну-с, приступим. Что тут у нас новенького?!

Признаться, новость оказалась просто ошеломляющей. Такого Марк еще не видел. Турок, который две недели назад ушел от него с полным ртом золотых зубов, сейчас выглядел так, словно пришел только на первый прием – во рту пациента не было ни одной коронки...

Квитко даже потряс головой, словно пытаясь прогнать навязчивое видение. И строго спросил:

– А где коронки? В чем дело?!

– Ай, не сердись, уважаемый, – снова сладким потоком растаявшего рахат-лукума потек голос жителя капиталистической Германии. – Я, когда дома отдыхал, в море купался...

– Поздравляю, и что? – против воли вырвалось у Марка.

– ...Извини, уважаемый! – продолжал турок. – Когда я пошел купаться в море, то нырял сильно...

«С твоей положительной плавучестью только и нырять сильно!» – ехидно подумал Квитко, но от комментария воздержался.

– ...Да, уважаемый, нырял очень сильно и случайно коронки потерял... Они вода упали и тонули очень быстро, я их достать не смог...

Турок рассказывал свою историю вполне правдоподобно и даже искренне. Марк смотрел на него и понимал, что ни при каком нырянии коронки потерять невозможно. Даже теоретически. Он прекрасно помнил, что, хотя все мосты и были поставлены временно – для притирки и выявления возможных ошибок в изготовлении золотых коронок, – но держались они прочно. Квитко разозлился, но вслух произнес только свою обычную фразу:

– Ну-с, давайте посмотрим еще раз.

Через минуту осмотра Марк еще больше укрепился в своих предположениях. История с «нырянием» в Черном море выглядела не более чем неумело сложенная легенда. Турок ее придумал для того, чтобы хоть как-то оправдать исчезновение коронок. «Скорее всего, – размышлял Квитко, – коронки снял кто-то из тамошних – турецких – докторов. Причем сделал это на вполне приемлемом профессиональном уровне. Не иначе учился в Москве – в Стоматологическом институте. Но зачем? И что он собирается делать дальше?» Марк осуждающе взглянул на турка:

– Ну и что будете делать дальше?

– Ай, не знаю, уважаемый! Но я думаю, что опять к вам приду коронки делать...

– Опять? А кто будет оплачивать новую работу?

– Не сердитесь, уважаемый, мне в страховой кассе уже сказал, что деньги даст. На все зубы полностью. Потому что они понимают мое тяжелое положение!

Квитко записал хитрого пациента на следующую неделю, и тот, грузно вывалившись из кресла, направился к выходу из клиники. Кресло опять пронзительно заскрипело, но на этот раз – от радости расставания с тяжелым, практически непереносимым грузом. Марк снова сел за стол, где ждали своей очереди отчеты. Взял ручку, покрутил ее пальцами и вслух, словно дискутируя сам с собой, произнес:

– Вот она, обратная сторона реализации принципа социального государства! Подумать только, ведь в страховых кассах тоже сидят совсем не дураки! И они прекрасно понимают, что турок здесь явно что-то химичит! Ну как можно потерять при купании в море нормально закрепленную конструкцию? Наверняка они там у себя на Босфоре бизнес наладили – привез из ФРГ полный рот золотых зубов, местный доктор снял их, турок получил немалые деньги и полетел в Германию за новой партией золотых коронок! Такое даже при социализме сложно увидеть! А здесь капиталистическая страна!

Дверь в кабинет неожиданно открылась. На пороге стоял улыбающийся Курт:

– Марк, я что-то тебя не узнаю?! С каких это пор ты стал разговаривать сам с собой?

Марк рассказал недавнюю историю с турком. Курт слушал с интересом, временами восторженно усмехаясь:

– Ну и артист! Неужели страховая касса ему опять полностью оплатит стоимость всей работы – и коронки, и их установку?

– Думаю, да. Если бы он не был уверен в неминуемом успехе, который, подчеркну, возможен только в социальном государстве, то, поверь, вряд ли он стал бы затевать подобную аферу. Он прикидывается простачком, но наверняка уже все просчитал и прикинул. Он же хитрый и изворотливый, надевает маску простачка, когда ему выгодно!

Немец задумался:

– А что, действительно неплохой бизнес, построенный всецело на эксплуатации принципа социального государства, который, кстати, был сформулирован тоже в Германии. Его автор – немецкий юрист Лоренц фон Штейн.

– Интересно... Честно говоря, я раньше думал, что социальное государство и социализм – это практически синонимы. И в качестве основателей всегда вспоминал Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

– Это в тебе, Марк, живут заложенные еще в СССР идеи. Там, в отличие от империи Российской, первопричиной всего объявлялся марксизм – учение, рожденное на немецкой земле и немецкими мыслителями. Учение, безусловно, очень неординарное. Но при этом вовсе не являющееся абсолютной, непоколебимой истиной.

Марк иронично посмотрел на Курта и произнес:

– Что-то я не пойму. Ты в институте только одну философию изучал?!

– Не одну. Но что плохого, если врач-стоматолог еще и силен в философии?

– Зато турок, о котором я тебе рассказал, в философии вовсе не силен. Он силен в практическом восприятии жизни. Он просто нагло наживает, используя конституционный принцип социального государства. За это нужно непременно наказывать!

Тот усмехнулся:

– Марк, нужно быть более толерантным!

– Я толерантен. Но так они с немцев скоро последние штаны снимут!

Вдруг посерьезнев, Курт произнес:

– Ладно, Марк, предлагаю прекратить дискуссию и обсудить еще один вопрос. Очень важный для меня. И для тебя.

– Какой вопрос? – заинтересовался Квитко.

Немец встал со стула и неторопливо вышел из кабинета в коридор клиники. Через минуту он вернулся с эффектной блондинкой с потрясающей фигурой. Марк невольно задержался взглядом на прекрасных формах. Упругая и высокая грудь, восхитительно плавные линии бедер. Один взгляд на такую женщину пробуждал в мужском сердце вполне определенные чувства и желания. Дама почувствовала взгляд Марка и довольно улыбнулась. Свои козыри она знала прекрасно. И гордилась ими.

Курт торжественно объявил:

– Разреши тебе представить мою невесту и, конечно, будущую жену.

Марк смотрел на своего партнера, улыбался и гадал, что он должен ему сказать. Поднявшись со стула, он неторопливо подошел к девушке. Галантно поклонился и поцеловал ей руку. Она слегка улыбнулась и произнесла сочным голосом:

– Очень приятно познакомиться с вами, Марк, меня зовут Марта.

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, Марта, – в свою очередь радостно сообщил Квитко.

Они выпили по чашечке кофе, который уже приготовила секретарь, и теперь Марк выжидающе смотрел на Курта. Марта в этот момент удалилась.

– Я хотел поговорить о нашем договоре, – немного смущаясь, начал немец.

– Конечно! – с готовностью произнес Марк. И в тот же момент испытал приятное чувство в глубине груди – словно перед удачной сделкой. Но внешне это никак не отразилось.

– Видишь ли, когда я рассказал Марте о нашем бизнесе, она восприняла это весьма резко. И назвала наше предприятие «коммунистическим колхозом»...

– На мой взгляд, в самой идее коммунизма нет ничего плохого, равно как и в колхозах, – возразил Марк. – Другое дело – как эта идея реализуется на практике. Но сама идея «колхозов», как выразилась Марта, поверь, вполне жизнеспособна.

Курт смотрел на Марка недоверчиво и удивленно:

– Интересная мысль.

– Очень интересная. Кибуц в Израиле – это аналог советского колхоза. И коллективные хозяйства вполне эффективны с экономической точки зрения.

– Но ты пойми, Марк, что Марте наше совместное предприятие совершенно не нравится. Она ортодонт и хочет работать только на себя.

Квитко снова улыбнулся. На этот раз улыбка вышла несколько едкой и насмешливой:

– Курт, ты еще не успел жениться, а уже становишься типичным подкаблучником. «Марте не нравится», «Марта хочет»... Что же дальше-то будет? Интересно, а?!

Курт нахмурился и посмотрел на Марка уже сердито:

– Марк, ты совершенно несправедлив к этой женщине...

– Да уж... – протянул Марк.

– ...Вот-вот, ты – несправедлив. А я ее обожаю!

– Это действительно заметно, – ответил Марк. – Но раз все так далеко зашло, то я предлагаю вернуться к нашему недавнему договору – кто первым выходит из предприятия, тот платит партнеру миллион. . .

– Именно для этого разговора мы и пришли сюда с Мартой. Она прекрасно знает об этом условии. Более того, она совершенно спокойно заплатит все те деньги, которые полагаются по этому соглашению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.